

Политика

Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая

© 2015

А.В. Волошина

В статье рассматриваются основные аспекты внешнеполитической стратегии КНР в отношении Северо-Восточной Азии. Автор подчеркивает значение, которое имеет этот регион для успешного развития Китая. Рассмотрен формат двусторонних и многосторонних отношений КНР со странами региона, проанализированы основные проблемы, с которыми сталкивается Китай при реализации внешнеполитических задач в СВА.

Ключевые слова: Китай, стратегия, Северо-Восточная Азия, территориальные споры, сотрудничество, балансирование.

Северо-Восточная Азия (СВА) — один из ключевых регионов в международной политике. Мощный экономический, производственный центр, обладающий колоссальным потенциалом для сотрудничества и совместного развития входящих в него государств, сегодня стал местом столкновения их стратегических интересов. Синяя книга по международной ситуации и внешней политике Китая, опубликованная Китайским институтом международных проблем в 2015 г., говорит о том, что регион превращается в «арену борьбы между державами», по мере того, как «силовое давление в китайско-американских и китайско-японских отношениях становится все более жестким»¹. Вызовы внешней среды требуют от Китая тщательно продуманной внешнеполитической стратегии.

На данный момент цели Китая в СВА относительно определены. Они включают в себя увеличение национальной мощи, ограничение влияния претендентов на лидерство и утверждение себя в качестве гаранта безопасности и стабильности в регионе.

В формировании и реализации своей стратегии в отношении СВА Китай учитывает позиции следующих игроков: США, стремящихся активно участвовать в делах региона и во многом определяющих там среду международных отношений; Японии, соперничающей с КНР за региональное и отчасти мировое влияние; государств Корейского полуострова, имеющих стратегическое значение для формирования миропорядка в СВА; России, выходящей сюда тихоокеанским рубежом и заявившей о своем «повороте на Восток».

Основные принципы формирования внешнеполитического курса КНР в отношении СВА до недавнего времени оставались практически неизменными. Китайская политика носила взвешенный, сбалансированный характер и опиралась на идеи независимости и са-

мостоятельности внешней политики, мирного характера развития Китая, принципы мирного сосуществования и построения гармоничных взаимоотношений между странами.

На протяжении трех последних десятилетий приоритетной задачей, поставленной перед внешнеполитическим ведомством КНР, было обеспечение благоприятного, мирного международного климата и такого же ближайшего окружения. Наличие безопасной среды в СВА позволяло направить ресурсы государства на внутреннее развитие, выполнение приоритетных задач модернизации страны. Стратегические просчеты были непозволительны, учитывая непростое международное положение, в котором оказалась страна в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь и после распада СССР в 1991 г., кардинально изменившего расстановку сил в мире. Краеугольным камнем внешней политики Китая в СВА и за ее пределами в то время стали заветы Дэн Сяопина, суть которых соответствовала выражению «*таогуан янхуэй, юсо цзювэй*» — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное»². Эта стратегия оказалась успешна. Проводя гибкую, многовекторную дипломатию, Китаю удавалось балансировать между такими государствами СВА, как США и Япония, США и Россия. Курс на построение «пояса добрососедства» вокруг своих границ привлек инвестиции и способствовал развитию торговли, помог установить стабильные и продуктивные отношения с соседями, обеспечить благоприятную для развития среду. Одним из важнейших внешнеполитических успехов стало обретение России в качестве стратегического партнера на своих северных рубежах³.

Экономическая мощь, которой добился Китай в результате дальновидной политики, позволила ему в начале XXI в. претендовать на более активную роль в мире и, в первую очередь, в СВА. Теперь страна стремилась не просто реагировать на происходящие вокруг нее процессы, а принимать участие в формировании региональной системы международных отношений.

Так начиная с 2008 г., происходит постепенное смещение внешнеполитических приоритетов Китая в СВА. Принципиальным моментом становится наращивание Пекином своих военных расходов, запуск амбициозной программы строительства военно-морского флота. В дипломатическом лексиконе появляется понятие «красных линий» (*хунсянь вайцзяо*): Китай заявляет о готовности занять жесткую позицию по ряду вопросов, твердо отстаивая коренные интересы страны. Это касается спорных территорий (например, спора об островах Дяюйдао / Сэнкаку с Японией), поставок оружия Тайваню, вопроса о приеме зарубежными странами Далай-ламы и ряда других «болевых точек». В печати высказываются такие мнения: «КНР следует очень твердо относиться к защите интересов страны, нельзя пускать дела на самотек: как только кто-то переступает черту, необходимо тут же принимать ответные сдерживающие меры. Это должно стать правилом, которое твердо уяснит себе весь мир»⁴.

Быстрое усиление Китая вызвало опасения у государств СВА, получили распространение теории «китайской угрозы». Теоретик международных отношений Дж. Най в своих трудах отмечал, что подъем новых развивающихся держав всегда вызывает беспокойство и страх существующих держав. Ключевым способом развеять такие опасения является, во-первых, ответственный подход к действию, а во-вторых, использование «мягкой силы»⁵. Сделав «мягкую силу» одним из инструментов реализации своей внешнеполитической стратегии, Китай заявил о желании укреплять мир, гармонию и сотрудничество в отношениях между государствами. Подчеркивался мирный характер развития Китая, заявлялось, что его сила и могущество не принесут ущерб соседям и миру. По словам Ху Цзиньтао, «...чем больше развивается Китай, тем больше благоприятных возможностей он создает и тем больше он делает для мира. Развитие Китая — это возможность, а не угроза миру. Вне зависимости от того, насколько сильным он может стать, Китай никогда не будет стремиться к гегемонии, расширению границ и запугиванию других с помощью силы»⁶. Нужно признать, такая позиция не могла не снискать симпатию России,

КНДР и других соседей по региону. Потерпела крах доктрина однополярности, неудачными оказались американские попытки «экспорта демократии». Принцип невмешательства в дела государств, многополярность, продвигаемые Китаем, выгодно отличались от «стремления силой навязать другим странам американскую или «западную» модель демократии без учета исторических, традиционных, социально-экономических, религиозных особенностей стран-объектов такой политики»⁷.

С приходом к власти пятого поколения руководителей КНР курс на активизацию внешней политики утвердился окончательно. Си Цзиньпином была провозглашена идея осуществления «китайской мечты», великого возрождения китайской нации, подразумевающая создание сильного и богатого государства. Встала задача обновления и дополнения национальной стратегии в соответствии с уже достигнутым уровнем развития страны и его ожидаемым ростом в будущем⁸. В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин подчеркнул, «что Китаю обязательно нужна дипломатия великой державы с собственной спецификой»⁹. Во внешнеполитическом курсе Китая появляется все больше новых элементов, теперь он не сторонний наблюдатель происходящих вокруг него процессов, а их активный участник с энергичным и практичным подходом к международным делам, готовый как ответственная держава принимать участие в решении проблем регионального и глобального масштаба и способный твердо отстаивать свои коренные интересы, защищать свой суверенитет. С важнейшей в этом отношении речью Си Цзиньпин выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г., позиционируя Китай в качестве сильного, независимого участника международной системы. Глава китайского государства представил собравшимся концепцию «международных отношений нового типа», в которых «главствует диалог, а не конфронтация, на первый план выходит партнерство, а не альянсы»¹⁰.

Поставив цель реализации китайской мечты о великом национальном возрождении, Китай осознает, что без поддержки со стороны соседей по региону не сможет осуществить свое возвышение. Поэтому дипломатическая работа со странами СВА входит в число приоритетных направлений. Северо-Восточная Азия — это зона непосредственных интересов Китая, регион, на который проецируется экономическая и политическая мощь растущей великой державы. Однако ситуация здесь складывается отнюдь не самым благоприятным для Китая образом. Внешняя среда несет в себе ряд структурных вызовов для страны. Во-первых, это связано со стратегией «возвращения» (или «перебалансировки») США в АТР — ключевого элемента американской внешней политики, провозглашенного Б. Обамой еще во время его первого президентского срока. В ноябре 2013 г., выступая в Джорджтаунском университете, помощник президента по национальной безопасности Сьюзан Райс подтвердила, что «перебалансировка в АТР остается краеугольным камнем внешней политики администрации президента Обамы»¹¹, и что Америка продолжит проводить курс, направленный на все более активное участие в делах региона. Продвижение Соединенными Штатами своих интересов в СВА, укрепление системы их двусторонних союзов с Японией и Южной Кореей, наращивание военной мощи странами-соседями Китая, потенциальные очаги нестабильности (ситуация вокруг Корейского полуострова, Тайваня) формируют сложную среду для подъема Китая и в какой-то мере сужают его пространство для маневра.

Таким образом, усиление Китая, его военного потенциала и жесткости политики является, с точки зрения китайских политиков, закономерным ответом на вызовы внешней среды и ее неустойчивое состояние. Подтверждая свою приверженность ранее провозглашенным принципам мирного развития, страна вместе с тем заявляет, что «мирному Китаю нужна защита в виде сильной армии и твердой политики»¹². Следствием растущей озабоченности Пекина ситуацией в регионе стало выдвигание целого ряда инициатив (не ограничивающихся территорией СВА), направленных на выстраивание взаимовыгодных отношений с сопредельными странами и создание благоприятного климата для своего дальнейшего развития. Это, например, идея «выстраивания между великими державами

отношений нового типа», «экономический пояс Шелкового пути», «морской Шелковый путь XXI века», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), поддержка идеи формирования зон свободной торговли (например, в рамках треугольника Китай — Япония — Южная Корея) и ряд предложений по созданию равноправной и справедливой структуры безопасности в Азии.

Для реализации своей внешнеполитической стратегии в СВА КНР активно использует формат двусторонних и многосторонних отношений. Рассмотрим эти элементы по отдельности.

Важнейшим аспектом стратегии Китая в Северо-Восточной Азии являются **отношения с Соединенными Штатами Америки**. Крепнет ощущение, что именно эти отношения становятся определяющим фактором безопасности в Восточной Азии, хотя географически Америка и не принадлежит к этому региону. Через призму американского присутствия в регионе Китай рассматривает возникающие проблемы безопасности и вырабатывает свои подходы к ним.

Исследователи Эндрю Натан и Эндрю Скобелл говорят о так называемых «четырёх кольцах безопасности» Китая. Они образно изображают спектр проблем в области безопасности, которые беспокоят Китай, в виде четырех колец: первое кольцо «внутреннее», касающееся политической стабильности и территориальной целостности государства; второе — это государства-соседи, ближайшее окружение; третье кольцо образуется при выходе за рамки двусторонних отношений и имеет дело с шестью геополитическими регионами, непосредственно окружающими Китай: Северо-Восточная Азия, Океания, континентальная и приморская Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия; четвертое кольцо выходит далеко за границы непосредственного окружения Китая и затрагивает такие сферы, как получение доступа к рынкам и инвестициям, диверсификация источников энергоресурсов и т.п. Исследователи приходят к выводу, что США присутствуют во всех четырех кольцах безопасности: это актор, пытающийся влиять на внутренние дела Китая, гарант статус-кво в отношении Тайваня, официальный или неофициальный союзник многих соседей КНР, обладающий военно-морским превосходством в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и, наконец, основной «творец и защитник» существующих международно-правовых режимов¹³.

Эта «вездесущность» Америки предопределяет то, что китайское видение политической ситуации в Северо-Восточной Азии преломляется через представление о целях и мотивах США. Америка продолжает продвигать стратегию «возвращения» в Азию, пытаясь по-своему сформировать внешнее окружение Китая. Несмотря на бюджетные сокращения, США усиливают свое военно-морское присутствие по всему региону. В Северо-Восточной Азии США продолжают укреплять стратегические партнерства с региональными союзниками: Японией и Южной Кореей.

По мнению председателя Комитета по международным делам ВСНП Фу Ин, в том, что касается безопасности, доминирование США не может преодолеть общие политические недуги. «Создается впечатление, что... Соединенные Штаты уделяют больше внимания интересам безопасности своих союзников, вплоть до того, что ставят их выше интересов таких стран, не входящих в альянс, как Китай»¹⁴. Также, по ее словам, еще более тревожным является то, что США не могут предложить эффективного решения многих практических проблем. Китай критикует Америку за то, что она часто оказывает дестабилизирующее влияние на ситуацию в СВА. Она поддерживает японское правое крыло, которое вносит поправки в мирное законодательство и отменяет запрет на коллективную самооборону, периодически подтверждает обязательства защищать административные права Японии на острова Дяоюйдао (Сэнкаку) в соответствии с Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между двумя странами. Китай считает, что Америка нарушает свое обязательство не принимать чью-либо сторону в территориальном конфликте. «Получается, что США сами подстрекают Токио бросить вызов Пеки-

ну»¹⁵. В случае с КНДР США также не стабилизируют ситуацию: фактически, они не смогли эффективно использовать площадку шестисторонних переговоров для решения ядерной проблемы полуострова. Конечной целью действий США Китай видит не стабилизацию обстановки на Корейском полуострове, а дальнейшее продвижение политики сдерживания КНР. Любые попытки США создать региональную систему ПРО в Северо-Восточной Азии Китай также оценивает с точки зрения того, какой урон это может нанести его стратегической безопасности, в частности, рассматривая такие планы как направленные против его интересов в отношениях с Тайванем. Проблемой двусторонних отношений является и атмосфера недоверия между странами.

Вместе с тем, рассматривая эти отношения в более широком контексте, мы видим, что руководство КНР осознает необходимость контроля «соревновательной стороны» двусторонних отношений и недопустимости углубления существующих противоречий. Пекин не стремится к нагнетанию напряженности с США. Не всегда заинтересована в этом и Америка. Одной из причин этого является глубокая экономическая взаимозависимость двух стран. Товарооборот между США и Китаем в 2014 г. достиг 555 млрд долл. по китайским данным, 590,7 млрд долл. — по данным американской статистики¹⁶. Свою речь в Вашингтоне 25 сентября 2015 г. президент Б. Обама начал с констатации огромного значения двусторонних экономических отношений: «Со времени моего вступления в должность американский экспорт в Китай практически удвоился и сейчас обеспечивает наличие почти миллиона рабочих мест в Америке. Китайские инвестиции в США помогают сохранять рабочие места по всей стране»¹⁷. Необходимость поиска «общего знаменателя» ставит вопрос, на каких условиях будет происходить согласование интересов двух стран. Китай отказался от продвигаемого Америкой формата отношений G2, «большой двойки» (концепции, выдвинутой бывшим советником Белого дома по национальной безопасности Збигневом Бжезинским), опасаясь того, что он займет подчиненное положение в этом возможном альянсе. Встречной инициативой китайской стороны стала идея выстраивания «отношений нового типа между великими державами». Как заявил Си Цзиньпин в интервью “The Wall Street Journal”, это отношения «без конфронтации, ориентированные на взаимоуважение и взаимовыгодное стратегическое сотрудничество»¹⁸. При выстраивании отношений следует отказаться от логики игры с нулевой суммой, они должны носить партнерский характер, странам следует относиться друг к другу как к равным, уважать суверенитет, не вмешиваться во внутренние дела друг друга и признавать право выбора общественных систем и путей развития. Договоренность о решимости двух стран строить «отношения нового типа» была достигнута в июне 2013 г. в Калифорнии на неформальной встрече президента Б. Обамы и председателя КНР Си Цзиньпина. В конце сентября 2015 г. Си Цзиньпин совершил свой первый государственный визит в качестве главы государства в США, в ходе которого был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в экономической, энергетической сферах, в авиации и интернет-сфере, в области гуманитарных обменов. Стороны обсудили такие актуальные проблемы региональной безопасности, как денуклеаризация Корейского полуострова, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, возможные направления сотрудничества военных кругов США и Китая. Подводя итоги переговоров на совместной пресс-конференции, президент Б. Обама и председатель Си Цзиньпин подтвердили приверженность курсу «полной, поддающейся проверке денуклеаризации Корейского полуострова мирным путем»¹⁹. Часть их выступлений, посвященная ситуации в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, свидетельствует о том, что каких-либо подвижек по этим острым проблемам достигнуто не было.

Таким образом, стороны пытаются выработать новый формат отношений, придающий им большую управляемость и стабильность. Однако силовое балансирование в регионе становится все отчетливее, присутствие США с их системой союзов в Северо-

Восточной Азии представляет серьезнейший вызов для Китая, на который он усиленно ищет ответ.

Важное место во внешнеполитической стратегии Китая в СВА занимают **отношения с Японией**. В настоящее время наблюдается обострение проблем между странами, обусловленное глубинными процессами перестройки системы региональных отношений и борьбой за влияние в регионе.

До последнего времени стратегия КНР была направлена на то, чтобы, активно развивая сотрудничество с Японией, ослабить ее тесную привязку к США. Эта линия принесла свои плоды: во второй половине первого десятилетия XXI в. отношения удалось вывести из тупика, в котором они находились при японском премьер-министре Дзюньитиро Коидзуми. Проблемы не исчезли полностью из политической повестки, но позитивные тенденции в развитии двусторонних отношений возобладали, страны пытались найти точки соприкосновения по актуальным вопросам. В мае 2008 г. в ходе официального визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Японию было подписано Совместное японо-китайское заявление о «Всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах»²⁰. Этот период отмечен сотрудничеством в деле морской безопасности, урегулировании кризисных ситуаций. Были начаты переговоры о заключении соглашения об освоении ресурсов в Восточно-Китайском море. Развивалось сотрудничество в экологии, в гуманитарной и экологической сферах.

Однако с течением времени противоречия между странами стали обостряться. Основной причиной стало нарастание конкуренции в китайско-японских отношениях, однако свою роль сыграли и США, поспособствовавшие смене политиков Демократической партии в управлении Японией, которые стремились «придать более равнозначный характер союзу Токио с США, улучшить отношения с Китаем и Россией, придав японской политике большую самостоятельность и сбалансированность»²¹, на проамерикански настроенных представителей Либерально-демократической партии.

Пришедшее к власти в 2012 г. правительство С. Абэ взяло курс на укрепление союзнических отношений с США, усиление военного потенциала страны, а именно: был создан Совет национальной безопасности, призванный выступать «контрольным центром» политики в сфере безопасности, разработана «Стратегия национальной безопасности», на ее основе приняты «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала на период 2014–2018 гг.». Выдвинутая формула «активного пацифизма» предусматривает более широкое толкование права Японии на коллективную оборону, модификацию оборонного потенциала государства как в количественном, так и в качественном отношении, наращивание возможностей для «отпора нападению» и быстрого развертывания сил обороны. Еще одним аспектом дипломатии администрации Абэ стало формирование так называемого «Пояса свободы и процветания»²². Суть этой стратегии заключается в создании вокруг Китая пояса дружественных Японии государств. Китай расценивает эти действия, как попытки «привлечь другие страны к противостоянию, блокаде и принуждению Китая»²³.

В последние годы проведение конструктивного диалога между Пекином и Токио по актуальным проблемам двусторонних отношений, среди которых особо выделяются территориальные споры и разногласия по проблемам исторического прошлого, заметно осложнилось. Китай весьма жестко отстаивает свои интересы, что проявилось в ходе двух кризисов, связанных со спорными островами Дяоюйдао (Сэнкаку). Первый кризис произошел в 2010 г. в связи с задержанием японской стороной экипажа и капитана китайского рыболовецкого судна на основании «незаконной ловли рыбы» в районе спорных островов; второй — в сентябре 2012 г., когда японским правительством было принято решение о покупке трех островов группы, ранее находившихся в частной собственности. В ходе последнего кризиса китайское «контрнаступление» на Японию не остановилось на дипломатическом уровне. Что более важно, Китай усилил свое присутствие и контроль

над водами вокруг островов Дяюйдао (Сэнкаку), наблюдалась эскалация противостояния на море и в воздухе. В заявлении китайского правительства говорилось, что «давно прошли дни, когда китайская нация была объектом запугивания и унижения для других государств. Китайское правительство не будет сидеть, пассивно наблюдая, как посягают на его территориальный суверенитет»²⁴. Жестко ответив на национализацию островов, Китай, тем не менее, осознает опасность возникновения непредвиденных ситуаций в зоне напряженности. В развязывании конфликта не заинтересована ни одна из сторон. Поэтому в 2014 г. стало возможным возобновление диалога между Японией и КНР. В результате переговоров в Китае главы японского Бюро по национальной безопасности Сэтаро Яти, 7 ноября 2014 г. стороны приняли документ из четырех пунктов. В нем признается различие во взглядах сторон на ситуацию в Восточно-Китайском море и, в частности, вокруг островов Дяюйдао (Сэнкаку), но одновременно констатируется желание Токио и Пекина постепенно вернуться к диалогу в политической, дипломатической сферах и по вопросам безопасности²⁵. В ходе первой за два года встречи лидеров двух стран, премьер-министра Японии С. Абэ и председателя КНР Си Цзиньпина, 10 ноября 2014 г. «на полях» саммита АТЭС были достигнуты важные договоренности. Они касаются создания механизма коммуникации при чрезвычайных ситуациях на море с участием судов двух стран и организации горячей линии между оборонными ведомствами с целью снижения риска возникновения вооруженного столкновения между КНР и Японией. Эта встреча создала предпосылки для нормализации двусторонних отношений.

Есть, однако, еще одна группа проблем между двумя странами. Это вопросы исторического прошлого. Сюда относятся попытки Японии «переписать» учебники истории, искаженно трактовать некоторые трагические события Второй мировой войны, а также посещение высшими японскими должностными лицами синтоистского храма Ясукуни, являющегося в глазах Китая символом японского милитаризма. Вышеописанные разногласия актуализируют тему публичных извинений японского правительства за причиненные азиатским народам страдания и негативное историческое прошлое. Внимание уделяется формулировке заявления, его тональности и искренности. В пятидесятилетнюю годовщину поражения Японии 15 августа 1995 г. премьер-министр Томиити Мураяма сделал заявление, формулировку которого старались повторять последующие японские руководители. В его речи признавался факт причинения неисчислимых страданий азиатским странам, была подчеркнута необходимость для Японии раскаяния, осмысления своего исторического прошлого, а также принесения извинения пострадавшим государствам²⁶. 14 августа 2015 г. премьер-министр С. Абэ выступил с заявлением по случаю семидесятилетия окончания Второй мировой войны. Китай обвинил С. Абэ в неискренности, отходе от формулировки Мураямы, использовании «языковых трюков»²⁷. Знаковым моментом в речи С. Абэ стала следующая часть: «Поколение японцев, родившихся после войны, в настоящее время превышает 80% населения. Мы не должны позволить, чтобы нашим детям, внукам и даже будущим поколениям, которые придут на смену, не имеющим ничего общего с той войной, было суждено продолжать извиняться»²⁸. Это заявление соответствует объявленному правительством С. Абэ курсу по превращению Японии в «нормальное государство». Предполагают, что недовольство Китая усилено тем, слова С. Абэ о Японии прошлого как о государстве, «бросившем вызов международному порядку», перекликаются с его риторикой по поводу Китая, проявляющего готовность активно отстаивать свои интересы в США. Последовавшее затем проведение Китаем 3 сентября 2015 г. грандиозного парада в честь празднования нового государственного праздника — Дня победы над Японией — также, надо полагать, не способствовало потеплению двусторонних отношений.

В настоящее время отношения Китая и Японии демонстрируют сложную динамику, поскольку страны далеко не всегда готовы жертвовать своими амбициями ради установления стабильных партнерских отношений. Тем не менее, в 2015 г. намечился опре-

деленный прогресс. В ходе второго раунда политического диалога Японии и Китая на высшем уровне в октябре 2015 г. Ян Цзечи констатировал, что двусторонние отношения «в целом развиваются в направлении стабилизации и улучшения»²⁹.

Огромное значение во внешнеполитической стратегии КНР имеют **государства Корейского полуострова**. Китай стремится сохранить, а по возможности и усилить свое влияние на Корейском полуострове, понимая, что контроль здесь любого другого государства создает стратегическую угрозу для него. Укрепляя свои позиции в регионе и развивая двустороннее сотрудничество с Южной Кореей, Китай рассчитывает постепенно ослабить ее союз с США. Сейчас сложились благоприятные условия для реализации внешнеполитических целей Китая. Две страны связывают отношения стратегического сотрудничества и партнерства. Правительство президента Пак Кын Хе, пришедшее к власти в феврале 2013 г., сохраняя ориентацию в своей политике на американско-корейский союз, придает беспрецедентное значение развитию партнерских отношений с Китаем. В июне 2013 г. во время пребывания президента Пак Кын Хе с государственным визитом в Китае стороны достигли согласия расширять экономические отношения, а также активизировать диалог в политической сфере по вопросам безопасности³⁰. Торговый оборот РК с КНР уже превысил общий объем торговли РК с США и Японией. Торговля двух стран возросла с 6,4 млрд долл. в 1992 г. до 235,4 млрд долл. в 2014 г. Прорывом в двусторонних отношениях стало подписание 1 июня 2015 г. соглашения о создании зоны свободной торговли, которое является крупнейшим для Китая по объему торговли среди всех его двусторонних оглашений такого рода³¹.

У Китая есть возможность сблизиться с Южной Кореей на основе ее традиционных непростых отношений с Японией. Южная Корея также оказывает давление на японское правительство по вопросам оценки исторического прошлого двух стран, в частности касательно военных преступлений Японии и проблематики «женщин комфорта» (comfort women). Примечателен тот факт, что сама президент Пак Кын Хе присутствовала на военном параде 3 сентября в Пекине при отсутствии лидеров США и Японии.

Традиционно близкие отношения Китай поддерживает с Северной Кореей. Китай является крупнейшим торговым партнером КНДР (в 2014 г. — 6,4 млрд долл.), на него приходится около 70% общего объема торговли Северной Кореей. КНР предоставляет своему соседу продовольственную и энергетическую помощь, что фактически является «спасательным тросом» для режима в Пхеньяне. Важнейшая цель стратегии КНР — предотвратить коллапс Северной Кореей. Пекин утверждает, что он опасается дестабилизирующих эффектов гуманитарного кризиса и значительных потоков беженцев. Китай также придерживается мнения, что конечной целью политики США на Корейском полуострове является смена северокорейского режима для усиления системы американских союзов и дальнейшего сдерживания Китая.

Однако с 2010 г. возросло количество китайских исследователей, призывающих к определенной коррекции связей с КНДР с учетом материальных затрат и «издержек» для репутации КНР. В феврале 2013 г. КНДР провела третьи ядерные испытания, появились данные о повторном запуске ядерного реактора в Йонбёне. Для разрешения кризисной ситуации, сложившейся после ядерных испытаний, Китай начал оказывать давление на Пхеньян с целью смягчения его позиции.

Однако несмотря на некоторое охлаждение в отношениях с Северной Кореей, Пекин, несомненно, остается препятствием для планов США в отношении этого государства. Америка оказывает давление на режим в Пхеньяне, требуя от него принять на себя обязательства по денуклеаризации в обмен на нормализацию отношений и значительную помощь. США настаивают на том, чтобы перед возвратом к переговорам КНДР заморозила свою ядерную программу и ввела мораторий на испытания ядерного оружия³². Для достижения своих целей Америка тесно сотрудничает с союзниками, Японией и Южной Кореей, периодически проводя с ними широкомасштабные военные учения, через приме-

нение санкций оказывает давление на Пхеньян, а также предпринимает попытки убедить Китай занять более жесткую позицию в отношении Северной Кореи.

Судя по всему, позиция США в отношении КНДР — это часть стратегии сдерживания Китая. Поэтому разрешение северокорейской проблемы и превращение шестисторонних переговоров в новую основу для регионального сотрудничества будут возможны лишь в результате фундаментальных изменений в самих китайско-американских отношениях.

К несомненным успехам стратегического планирования Китая можно отнести **российское направление** его внешней политики. В течение почти двух десятилетий китайско-российское партнерство выступает как мощный фактор глобальной и региональной стабильности. «Китайско-российские отношения всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства можно назвать образцовыми. И эти связи не только отвечают интересам обеих стран, но и имеют стратегическое значение», — отметил Чжан Дэцзян, председатель ПК ВСНП 12-го созыва, выступая на торжественном приеме в Пекине по случаю 65-летия установления дипломатических отношений между двумя странами³³.

Визиты В. Путина в Пекин в мае 2014 г. и в сентябре 2015 г., Ли Кэцзяна в Москву в октябре 2014 г., встреча лидеров двух государств в рамках саммита АТЭС в ноябре 2014 г. и визит Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г. показали, что двусторонние отношения вышли на новый уровень.

Важное значение для обеих стран имеет совпадение их позиций по ключевым международным проблемам. Зачастую это обусловлено общей заинтересованностью в создании противовеса влиянию Вашингтона, поскольку обе страны стремятся уйти от однополярной модели мироустройства во главе с США. Китай и Россия регулярно налагали вето или значительно ослабляли силу лоббируемых США резолюций в ООН, например, по Сирии.

В свою очередь Россия выступает важнейшим стратегическим партнером Китая, не принимая какие бы то ни было попытки окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»³⁴.

Экономическое сотрудничество занимает особое место в отношениях двух стран. В «Совместном заявлении о новом этапе китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства» лидеры России и Китая наметили увеличение объема двустороннего товарооборота к 2020 г. до 200 млрд долл.³⁵ Подписан контракт на поставку в течение 25 лет из РФ в КНР 360 млн т сырой нефти, общая стоимость контракта достигает 270 млрд долл. Во время визита Путина в Китай в 2014 г. стороны также подписали газовый контракт на 30 лет общей стоимостью в 400 миллиардов³⁶. Президент Владимир Путин пригласил китайскую государственную нефтяную компанию CNPC участвовать в разработке огромного Ванкорского месторождения в Восточной Сибири, что стало знаковым событием в развитии двусторонних энергетических отношений³⁷. Достигнуто соглашение о сопряжении строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути».

У обеих стран имеется серьезная заинтересованность в обсуждении и активном участии в решении вопросов региональной безопасности и обеспечения стабильности, в сотрудничестве по противодействию таким трансрегиональным угрозам, как терроризм, наркотрафик, морское пиратство, природные катастрофы, изменение климата. Заинтересованный отклик стран региона встретила совместная российско-китайская инициатива (осень 2010 г.) в пользу формирования в АТР региональной архитектуры безопасности. Ее ключевые принципы были определены как верховенство международного права, внеблоковость, равенство, открытость, неделимость безопасности, мирное урегулирование споров, неприменение силы и угрозы силой, отказ от конфронтации³⁸.

События, связанные с украинским кризисом, сложность выстраивания отношений с западными коллегами естественным образом направляют вектор российской политики на Восток. Однако, представляется, что расширяя связи с Россией, Китай будет избегать того, чтобы Россия использовала его как «козырь» на современном витке противоборства с США и ЕС³⁹. Занимая умеренную позицию, КНР будет стараться использовать появляющиеся стратегические шансы, не жертвуя своими интересами и избегая нежелательного обострения отношений с США. В СВА в условиях нестабильной обстановки и углубляющихся трений между державами Китай будет использовать Россию в качестве «балансира» американского превосходства.

Кроме выстраивания отношений в двустороннем формате, Китай уделяет большое внимание многостороннему взаимодействию в СВА.

В частности, большое значение придается инициативам по укреплению региональной безопасности, так как роль гаранта безопасности и стабильности укрепила бы положение Китая. Кроме существовавшего формата шестисторонних переговоров, одним из эффективных способов работы является механизм трехсторонних встреч представителей КНР, Японии, Республики Корея. В рамках трехстороннего Секретариата по сотрудничеству между КНР, Японией и РК, учрежденного в 2011 г. в Сеуле, три страны продолжают взаимодействие, проводя различные межправительственные консультации, разрабатывая проекты по сотрудничеству. Так, в марте 2015 г. после трехлетнего перерыва была проведена седьмая встреча глав МИД КНР, Японии и Республики Корея, на которой стороны обсудили вопросы безопасности в СВА, в частности, проблему денуклеаризации Корейского полуострова. Особым пунктом переговоров стал вопрос проведения саммита глав трех государств, так как последний раз встреча лидеров в таком формате проходила в мае 2012 г. в Пекине.

С точки зрения развития формата многосторонних взаимодействий представляет интерес выдвинутая в 2014 г. президентом Южной Кореи Пак Кын Хе инициатива по укреплению мира в Северо-Восточной Азии, которая дополнила бы трехсторонние механизмы, так как позволяет включить в обсуждение проблем безопасности в СВА остальные страны: КНДР, США, Россию⁴⁰. Китай выразил свою поддержку этому проекту.

Еще одним важным направлением многостороннего сотрудничества является экономика. В рамках того же трехстороннего формата Китаем, Японией и Республикой Корея было начато обсуждение плана расширения торгово-экономического сотрудничества и формирования основы для создания в СВА зоны свободной торговли, которая объединила бы их экономики. Для выработки общей политики в апреле 2011 г. была создана трехсторонняя аналитическая группа, куда вошли правительственные чиновники, представители бизнеса и экономисты трех стран. Предполагается, что создание ЗСТ позволит не только обеспечить экономический рост трех государств, но и в значительной мере укрепит положение Китая в регионе и станет вероятной угрозой для американского рынка, который будет вынужден столкнуться с высокоинтегрированным рынком стран СВА⁴¹. Противоречия между Китаем и Японией препятствуют продолжению переговоров по этой инициативе, но, как показывают события прошлого десятилетия, при наличии должной политической воли в этих странах их сближение и сотрудничество возможно даже при наличии проблем в отношениях.

В США подчас высказываются оценки, что экономическая интеграция в СВА на базе трехсторонней ЗСТ была бы крайне выгодна Китаю. Так, Г. Розман утверждает, что с помощью экономической интеграции Китай стремится добиться преимущества, так как это приведет к формированию экономической зависимости других стран от него, которую затем можно перевести из сферы экономики в политическую область. Думается, что здесь достаточно четко прослеживается стремление США затормозить интеграцию экономик Китая, Японии и Республики Корея. В этом же направлении будет действовать и одобренное в начале октября 2015 г. соглашение о Транстихоокеанском партнерстве.

Культура также играет большую роль в стратегии Китая в отношении СВА. Право на культурное многообразие дополнено понятием «восточной цивилизации». Подчеркивается ее кардинальное отличие от западного мира. Предполагается, что это понятие может стать общим идеалом стран СВА, способным укрепить регионализм.

Подведем итоги. Система международных отношений в Северо-Восточной Азии вступила в период трансформации. Всеобъемлющий региональный порядок еще только предстоит сформировать. Меняется баланс сил ключевых держав, что повышает нестабильность и непредсказуемость развития ситуации. В этих условиях внешняя политика государств должна быть результатом очень тщательных размышлений над состоянием отношений между странами региона.

Сейчас Китай стоит перед стратегическим выбором: стоит ли заявлять о себе более уверенно и даже агрессивно, или отложить на некоторое время амбиции и сосредоточиться на внутренних реформах. Потребуется искусство дипломатии, чтобы найти баланс между продвижением своих интересов и региональной стабильностью, «делая то, что выполнимо, и останавливаться там, где нужно остановиться»⁴².

КНР осознает, что разрыв с США по военной мощи остается значительным. При отсутствии же Америки в СВА, ее шаги, предпринимаемые для сдерживания Китая в жизненно важном для него регионе, укрепление системы альянсов под эгидой Вашингтона лишают КНР чувства безопасности и представляют серьезнейший вызов развитию страны. Растущая держава маневрирует среди других государств региона, чтобы стать ядром реорганизации в Азии. Требуя от своих соседей по СВА соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела, уважения китайских коренных интересов, стремясь стать региональным лидером, Китай, тем не менее, на данный момент пока не может предложить четкой модели регионального порядка, которая встретила бы поддержку его окружения. Представляется, что стратегической задачей КНР должно стать увеличение потенциала «мягкой силы», приложение усилий для обретения большей поддержки в регионе и установление нормальных отношений с США. Политики «должны исходить из понимания, что складывающееся мироустройство... должно просматриваться через призму способности удовлетворить потребности мирового сообщества в укреплении стабильности и безопасности на международной арене»⁴³. Надеемся, что политическим лидерам СВА хватит мудрости следовать этому принципу.

1. Гоцзи синши хэ чжунго вайцзяо ланьпишу. 2015: [Синяя книга по международной ситуации и внешней политике Китая. 2015] // Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань чжу: [Труды Китайского института международных исследований]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2015. Т. 3. С. 4.
2. *Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.
3. 16 июля 2001 г. в Москве руководителями РФ и КНР был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.
4. Чжунго ин цзяньцзюэ фань чжи мэй-жи куа хунсянь: [Китай должен решительно противостоять попыткам США и Японии пересечь черту] // Хуаньцю шибао. 16.12.2013. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2013-12/4664334.html>.
5. *Лю Ц.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
6. Цит. по: *Yang Jiechi.* China's Interaction with the Outside World in the New Era — On the Occasion of Upgrading of the International Studies // China Institute of International Studies (CIIS). URL: http://www.ciis.org.cn/english/2011-11/18/content_4634820.htm.
7. *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М.: Архитектура-С, 2012. С. 154.
8. *Титаренко М., Ломанов А.* Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 18.
9. Там же.

10. Си Цзиньпин цзай ди пиши цзе лянхэго дахуэй ибаньсин бяньлунь ши дэ цзянхуа (цюаньвэнь): [Выступление Си Цзиньпина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст)] // Синьхуа. 29.09.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
11. “America’s Future in Asia”. Remarks As Prepared for Delivery by National Security Advisor Susan E. Rice. At Georgetown University, Gaston Hall, Washington, D.C. Wednesday November 20, 2013 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/21/remarks-prepared-delivery-national-security-advisor-susan-e-rice>.
12. Чжунго ин цзяньцзюэ фань чжи мэй-жи куа хуньянь: [Китай должен решительно противостоять попыткам США и Японии пересечь черту] // Там же.
13. Andrew J. Nathan and Andrew Scobell. How China sees America // Foreign Affairs. 2012. Sept.-Oct. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-08-16/how-china-sees-america>.
14. Мэйго чжудоао дэ цюаньцзо чжисюй ю лянда чжимин цюэсянь: [В мироустройстве, возглавляемом Америкой, есть два неисправимых недостатка] // Хуаньцзо шиэ. 04.08.2015. URL: http://www.globalview.cn/html/global/info_4962.html.
15. Ван Хайюнь. Боцытань гунгао 70 нянь хоу дэ сяньши ии: [Истинное значение Потсдамской декларации 70 лет спустя] // Хуаньцзо шибао. 25.07.2015. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2015-07/7096629.html>.
16. Цит. по: *Портяков В.Я.* Доклад на круглом столе в ПДВ «Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С 38.
17. Remarks by President Obama and President Xi of the People's Republic of China in Joint Press Conference. Rose Garden. September 25, 2015 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/25/remarks-president-obama-and-president-xi-peoples-republic-china-joint>.
18. Full Transcript: Interview With Chinese President Xi Jinping // The Wall Street Journal. 22.09.2015. URL: <http://www.wsj.com/articles/full-transcript-interview-with-chinese-president-xi-jinping-1442894700>.
19. Remarks by President Obama and President Xi of the People's Republic of China in Joint Press Conference. Rose Garden. Sept. 25, 2015 // Там же.
20. Чжун-жи гуаньси: [Китайско-японские отношения] // Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm.
21. *Панов А.Н.* О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 281.
22. Глобальное мышление как ключ к дипломатии премьера Абэ — интервью с Яти Сётаро, особым советником при Кабинете министров Японии. 21.10.2013. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00089/>.
23. Комментарий: Попытки Синдзо Абэ добиться «блокады Китая» не увенчаются успехом // «Жэньминь Жибао» он-лайн, 14.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8284391.html>.
24. Цит. по: *Qu Xing.* Four Features of the International Situation in 2012 // The CIIS Blue Book on International Situation and China’s Foreign Affairs (2013) / China Institute of International Studies (CIIS). URL: http://www.ciis.org.cn/English/2013-06/04/content_6002574.htm.
25. Чжун-жи гуаньси: [Китайско-японские отношения] // Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm.
26. Экс-премьер Японии Томити Мураяма выразил озабоченность состоянием отношений с Китаем // «Жэньминь жибао» он-лайн. 26.06.2006. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4532199.html>.
27. Japanese PM Shinzo Abe stops short of new apology in war anniversary speech // The Guardian. 14.08.2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/aug/14/shinzo-abe-japan-no-new-apology-second-world-war-anniversary-speech>.
28. Statement by Prime Minister Shinzo Abe. Friday, August 14, 2015// Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html.
29. В Токио состоялся 2-й китайско-японский политический диалог на высоком уровне // «Жэньминь Жибао» он-лайн, 14.10.2015. URL: [http://russian.people.com.cn/n/2015/1014/c31520-8961594.html](http://russian.people.com.cn/n/2015/1014/c31520-8961594.html%22,%22originalUrl%22:%22http://yandex.ru/search/?clid=1923018&text=russian.people.com.cn/n/2015/1014/c31520-8961594.html).

30. Си Цзиньпин назвал президента Республики Корея Пак Кын Хе «старым другом» китайского народа // «Жэньминь Жибао» он-лайн, 28.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8302709.html>.
31. Китай и Южная Корея подписали соглашение о свободной торговле // Южный Китай. 01.06.2015. URL: <http://south-insight.com/node/1655>.
32. North Korea: US Relations, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation. CRS Report. Prepared for Members and Committees of Congress. Jan. 4, 2013 / Congressional Research Service // U.S. Department of State. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/202881.pdf>.
33. В Пекине отметили 65-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией // CNTV, Центральное телевидение Китая. 24.09.2014. URL: <http://cctv.cntv.cn/2014/09/25/VIDE1411575844738479.shtml>.
34. Цит. по: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.
35. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. // Администрация Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1642.
36. *Ли Хуэй.* Китайско-российское экономическое сотрудничество обладает большим потенциалом // «Жэньминь жибао» он-лайн, 01.09.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0901/c95181-8777066.html>.
37. *Guy Chazan.* Sanctions help Russia overcome its China paranoia // The Financial Times. 07.09.2014. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/4c04e91c-34f3-11e4-ba5d-00144feabdc0.html#axzz3FRJuQ0ZP>.
38. *Панов А.Н.* О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 608 с.
39. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. С. 282–283.
40. См.: Инициатива по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Министерство иностранных дел Республики Корея. MOFA. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/North_Asia/res/rus.pdf.
41. *Петрунина Ж.В.* Внешняя политика Китая по отношению к государствам Корейского полуострова // Современный Китай в системе международных отношений / Отв. ред. Д.В. Буяров. М.: КРАСАНД, 2012. С. 38.
42. *Yang Jiechi.* Указ. соч.
43. *Примаков Е.М.* Указ. соч. С. 156.